

1998. - 14-20 мая. - с. 11

Пространство Марины Георгадзе

Наверное, можно найти немало объяснений, почему даже знакомые тексты, сведенные в книгу, приобретают новую весомость. Книга — уже существо независимое, начинающее у выхода из типографии собственную жизнь, часто непредсказуемую. Марина Георгадзе, которая пишет стихи и прозу с детских лет, только сейчас, на 32-м году жизни, решила выпустить книгу. Первое стихотворение, отобранное для сборника, написано в 16 лет; последнее датировано 1997-м годом. Шесть рассказов написаны за последние пять лет.

География книги в какой-то мере отражает биографию автора: Марина Георгадзе родилась в Москве, в русско-грузинской семье, и хотя грузинский язык выучила только в юности, в большей степени отождествляет себя с Грузией, нежели с Россией.

Георгадзе — лапидарный прозаик: каждый из ее рассказов — это своего рода концентрат, которого хватило бы на десяток разбавленных «копий». Нарочито остранный (за счет введения другой рассказчицы и игривой интонации), присыпанный, как перцем, грузинскими словечками, усугубляющими трагичность случившегося («Тбилисский дворик»); балансирующие на грани реальности и сна «Нозель и девушка»; поражающие психологической достоверностью «Каникулы Альфреда» (Альфред — кот, несколько дней отдыхающий от хозяина) или поэтичное и трогательное, как будто пришедшее из детства «Трудное лето».

Юношеские ее стихи почти целиком связаны с образом матери, ушедшей из жизни совсем молодой. Поэтесса размышляет о краткости жизни и о ее бесконечности. Авторская пунктуация сведена до смыслового минимума.

В ранних стихах обострено характерное для юности ощущение собственной несовместимости с миром, неприемлемости стандартных моделей, невозможности объясниться даже с дорогими людьми («Сколько надо сглотить просвир, / изорвать железных сапог, / чтоб попасть на счастливый пир, / где бы мед наконец потек. / И в счастливом конце-венце / возлежать за столом в дворце. / Но когда я мед пригублю, / вспомню, что его не люблю...»)

Детство в этих стихах никогда не «колодец счастья», но предчувствие роковой расплаты:

— Зачем раздавили жучка, что бежал по стене?

Зачем наступили на травку
с невзрачным цветком?
— я плакала в детстве, и было
так горестно мне,
как будто случилось все то,
что случилось потом.

Перемещение места действия из Москвы в Тбилиси снова ставит неразрешимый вопрос об осознании своей принадлежности. Вот размышления в поезде Тбилиси — Москва:

«Это чалэби или — кусты?! Это — земля или все-таки мица? Много попутчиков, каждый — не ты. Станций полно. Негде остановиться».

И вот, как будто в подтверждение предчувствиям, наступает драма 9 апреля 1989 года — эта дата стала названием стихотворения, посвященного тому самому дню, в который никак не может вернуться рассказчица «Тбилисского дворика»:

Все собирались в верхних переулках,
для танков узких.

Свертывали флаги.

Внизу, на поле битвы, было гулко
и самый зной оледенел от страха.

Там не осталось зрения и слуха.
И отразиться лишь имели право
платанов старых вскинутые руки
в обезумевших окнах телеграфа.

Следующая поэтическая страница связана с Америкой, где Марина Георгадзе живет с 1992 года. Новый Свет если не снял, то отодвинул на второй план вопрос культурного самоотжествления; новый опыт способствовал наступлению поэтической зрелости. Это вовсе не значит, что Георгадзе отказалась от дорогих ей принципов — просто окреп голос, появилась графическая четкость образов и даже многообещающая иронично-ностальгическая нота в стихотворении «Гаданье», ритмом напоминающем русские романсы, которые в свое время с легким грузинским акцентом пели Тамара Церетели и Кэто Джапаридзе. Но даже близкая ей трагическая тема теперь звучит мужественнее, строже. Много стихов написано на смерть Иосифа Бродского. В стихах Георгадзе чувство потери выражено просто и безусловно (названа при этом лишь дата):

На 28 января 1996

Когда умирает Поэт
— страшно, что он последний.
Когда взрывается Земля
— страшно, что она последняя.
И хоть знаем, что земель много,
а мы — сильные как динозавры
— но все равно страшно,
от света и музыки — тошно,
и хочется свернуться в бутылку
Клейна.

Хочется хотя бы вскользь упомянуть о переводах из грузинского поэта Теренти Гранели — одинокого романтика-символиста начала XX века, почти неизвестного за пределами Грузии, — которые составили заключительный раздел сборника. Марина Георгадзе в беседах поясняет, что музыкальная простота грузинских оригиналов не поддается сколько-нибудь адекватному переводу, однако думаю, что эта подборка станет открытием для многих любителей поэзии.

Словом, «Маршрут» Марины Георгадзе начал жить своей, независимой жизнью, и, хотя литературные пророчества столь же ненадежны, как и любые другие, я убежден, что эта жизнь будет долгой и плодотворной.

АЛЕКСАНДР СУМЕРКИН

Нью-Йорк

Марина Георгадзе. Маршрут. Рассказы. Стихи. Переводы. Нью-Йорк, «Слово/Word», 1998, 198 с.